Гурий Сидоров.

БИБЛИОТЕКА АВАНГАРДА

XLIII

Salamandra P.V.V.

Гурий
СИДОРОВ

РАСКОЛОТОЕ СОЛНЦЕ

Собрание
стихотворений

Salamandra P.V.V.

Сидоров Г. А.

Расколотое солнце: Собрание стихотворений. Сост. и биогр. очерк С. Шаргородского. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2022. — 70 с., илл. — (Библиотека авангарда. Вып. XLIII).

В издание включены все поэтические книги Гурия Сидорова (Сидорова-Окского) — поэта, который на протяжении своей недолгой авангардистской карьеры в конце 1910-х – начале 1920-х гг. последовательно примыкал к футуристам, имажинистам и экспрессионистам. Также приведены стихотворения Г. Сидорова, опубликованные в коллективных сборниках.

В числе дополнительных материалов — подписанное Сидоровым экспрессионистское воззвание и биографический очерк.

РАСКОЛОТОЕ

СОЛНЦЕ

РАСКОЛОТОЕ СОЛНЦЕ

Поэма

Сквозь косматые лапы
туч чугунных
солнце с криком
с гиком бешеным
роняет
нити сверкающих бус.

Горбатые сугробы
расправляет торопливо
на лысой и пегой земле
серые бегущие плащи

Домики
столбики
хижинки
пни
чернеют сороками
на крестах дорог.

Ежиком кустов
проколота белая кожа.

Деревья
кривые посохи времен
благословляют
идущий потоп и грохот.

— Головы юношей
расцветайте веселым цветом!
Груди девушек
вбирайте солнечный
воск!

Долго падали
на колья горя...
Теперь
хватайте карусели, крылья
Прыгайте выше!

— Звезды мячики
в руки вам!

Земля
таращит серые глаза в окна
тлеющих белых ковров
прожженных горячими спицами
солнца.

На горизонте
вставшие дыбом
стройные тени лесов
Солнце
падает в лес
— Раскололось!

И ярче
И горячее
тонкие цветные побеги заката.

Я юноша
Я восторженный инок
бросил в глаза:
— Голубейте!
— Лейтесь!

Мое сердце утерянное
в провалах жестких ржавых улиц
вновь заметалось
под упругим щитом груди.

Помню:
В улицах разметались гремящие
канаты.
Камни площадей
гнулись под топотом толп.

Кони драконы
избивали каждый камень до крови
в паутинах домов
бился череп о череп.

И ноги
тысячи

толстых и тонких
резали яростно воздух.

А мои взоры
узоры от земли до звездных игл
дергали мысли.
— Улететь!
В детской люльке качаться
на хвостах комет.

Торжественно ходят дни
роняя
пряди волнистых теней.
С рыжих каск
проснувшихся домов
падают
звонкие четки потоков.

Капли мозга моего
восторга
грез —
жемчуг на расцветающих вещах.

Встречаю невест желанных
И у каждой:
Глаза — голубые белки
Кудри — трава золотая колосится
А сердце
шкатулка с кольцами тайнами....
— Ключ у меня!

Мой праздник
землю обнял
и целует
до слез.
И процелует
до кости.

1920

ВЕДРО ОГНЯ

(I920)

ГУРИЙ СИДОРОВ

ВЕДРО ОГНЯ

МОСКВА

Как одежды с любимого тела
Желанного тысячу лет
Срываю
Тоску с сумасшедшего сердца.
И кружусь
И пьянею
На базарных каруселях веселья.

Выудил
Из прогнившего пуза дней
Карасей неуклюжего смеха.
На камеру грусти
Заплату на заплату
Кладу!
И клей воли молю:
— Будь крепче!
И заклинаю клинками слов
— А вот поле...
Башка земли
Добрая — курчавая — мокрая...
Дышит васильками.
Бегу
Страшным скоком.
Когда рыдаешь, смех колит до кости.
Так и сейчас —
Солнце изорвало мою кожу,
Прищемило пальчики нервов,
Искололо мозговых удавчиков.
Дух мой
Громоздкий, неровный
Упал с ходулей.

Не нужно изобретать года и года
— чтобы с ума сойти.
Проще
Когда любимая прокусит сердце,
Хохотать себя секунду...

Снежный ком печали
Растаял
На солнышке найденных глаз.
Зажегся я свечей восторженной
У гроба зол моих.
— О, женщина! Распахнись торжественно
Для в'езда колесницы чувств!
И затанцуют нагие нервы,
И грянет маршем оркестр страсти,
Ведь я же первый
Взорвавший динамит твоей любви.
Первый
Задушивший голубей чистоты
Беспощадным арканом похоти.
У звезд не высохнут слезы,
Земля не улыбнется в небо
Прищуренным оком озер.
А я, этой капканной ночью
Ворвусь на пьяной тройке обнаглевших забав
Под бубенчики залихватских слов
Прямо в твои резные ворота, женщина!..

На блюде разгоряченной постели
Бросилась в зубы колючего франта,
В небе звезда с волком под всплески ругани
Меня раздавила ногтем происшествия!

Маятником бился об улиц щиты,
Ноги терял в прыжках булыжников
— Разобьюсь! А осколками
Глаза твои продырявлю.

В белых крыльях грудей
Ножик нырять буду,
Заливая сталью смеха потную
голову
Довольно
Меня расплавлять.
Довольно
Когтями грудей раскрытых
Царапать взглядов моих влюбленных птичек!

Тоска
Века
Гнула мир
В рог!
Каждый был
Каждому
Враг!
Жег шею, давил
Колючий сапог.
— И вот
Вдруг
Вмиг
Наш мир
Блистательный маг!
Стал
Стально
Солнцу
Сердцу
Песни
Ткать!
— Смейтесь мещанственно кисло,
Не властны жить могуче,
Вы спрятали солнце в карман,
А мысли запрягаете в числа
И песни зарываете в пыльные тучи...
А мы —
Строим
Роем
Мастерим
Шумным роем
Расплескались по земле
И творим Новый Рим!
Горячей
В бег полей
Вверх и вниз
Наши буйные сердца
Ворвались!
Разгулялись без конца...
Шаг за шагом
С флагом магом
С буйным алым фонарем
Мы грядем!..

Сегодня мое настроение,
Сегодня я на экране!
Я закрасил сумасшедшей кистью все тени
И мой солнцу приказ: сожрать туманы!

Поливай кудрявые макушки
И дома-черепа насквозь…
Я хохотун пробегу по опушкам
И траву смешаю с пучками волос..-

Разве любовью я мало пропитан,
Разве я страсти не умею на тело класть?
Я любовницам — хищной свите
Предлагаю на меня напасть!

Таились в дымных пещерах,
На головах были красные перья,
А у ног —
Глаза воспаленных костров.
Были шкуры пропитаны
Смрадом, кровью и потом.
Тянулись тайгою, горами, болотами
С охотами, драками, битвами.
А ночью — с луною, тревогой и женщиной.
Любили, молились, хватали…
Идолы вечные
Качали дубовыми кудрями.
— Я помню эти пещеры и тревоги,
И не хочу гулять со звериной свитой!
Мне нравятся больше наши электрические боги,
Наши нервные охоты, приключения, битвы…
Шкура у нас белая, да тонкая…
Разорвешь — покажутся красные слезы!..
Но мысли прекрепкие, нервы презвонкие,
Мы скороходы! Везде нас летят колеса!
Мы скороходы!
Взрываем, ныряем, песни моторов, песни первые
Мы сверх-безумцы отчаянной свободы
Знаем великое: ненависть вкрапленную в нервы!

ХОДУЛИ

Стихи

(1920)

Гурий Сидоров.
Ходули.

Город — прыжками!
Я — факелом!
Камни, деревья — низ, верх!
Ноги — ходулями, мысли — криками
Галки пасти окон — он влюблен, он влюблен!
Руки-березки-ломать, губы плавить губами
— я, я, я!
Перевернусь — не вернусь в грусть! —
Хруст — пусть!
Тело в тело,
Костер — в костер!
Камень и воск — сжигай, сжигай!..

На землю плывущие ковры
В воздух расцветающее солнце
По небу стремглавные ракеты
С полей золотые волны
Шествуй!

Кому горящее тело
С кем рвущиеся нервы
О ком бешеные мысли
Над кем голубые бусы
Знаю!

Облако хрупкими шатрами
Льдина серебрянным плащем
Губы раненой птицей
Щеки переливчатым пламенем
Мои!

Мостов стальные ветки
Налитые глаза заката
Любимую, в листьях платья
С испуганным зайчиком страсти —
Уношу!

Глаза — через края стальные слезы.
Залпом до дна, голубые
Тебя на колени, косами к земле
Ниже!

Угольками поцелуев — пол
Лентами рук — ноги.
С головою — в омут, в мольбу!

Прощенье в горячий песок твоих ладоней
Вот!

Вместе в диван глубже
Бедрами и коленями в пляс!
В комнату ликованье лавой
— Стены! Глаза крепче!
Тьмой электричество вдребезги
Я и ты — в бой!

Пальцы деревьев в хрустких кольцах
В тучный бок неба
Стук.

Гвозди солдат ряд
В череп гроба
Стук.

Ржавым железом взоров
В грудь невесты
Стук.

Дерево машет желтым лаптем
— Аминь…

Солнце жаркой бородою
По разорванным полям
Взмахом, взмахом над рекою
К белым, белым облакам.

На весне ручьи и льдины
Над весной мой синий глаз
Градом пылкие лучины
В вереницы теплых ваз.

Девушка. Береза.
Клюв в плечо стрелой!
Над лесами, через слезы
И в гнезда пух золотой!

Облако взором ширю
Ястребиными крыльями воздух — на двое!

Город! Покорной собачкой под пальцы мои
Ляг, жмись!..

Голова — к луне
Сердце — в стороны!

Крест на крест улыбки
Из ножен стихи
Я — вперед!

Снега белые щеки
Город застывший и нежный…
Целую любимые руки
Простой и безгрешный…

В ветках печальные галки
Воздух и тихий и грустный…
Роняю слезы жаркие
На золотые косы…

Облако белыми венками
Зажмуренное солнце…
Зацветет голубыми цветами
Высохшее сердце.

Реки скинувшие платья
Звезд ресницы зыбкие…
Расплывается первое счастье
Серебряными рыбками…

Фабрик серьезные трубы
Горбатые деревья…
Раздавлю любимые губы
Поцелуем нервным.

Любовь! Любовь!
Дома и улицы на крик свой нижу,
Тротуары осыпал сердечками сердца.
Губы девушек собрал в один,
Поцелуем скажу, как люблю.

В любимую руки врежу
Вмиг растерзаю! А перья крылышек
Слезами, как клеем, сладким и терпким
Сращивать стану дрожа, крича
Трудно!
Поздно!
Зря!

Голову от туловища
Руками, заплаканными кровью
Свою с мозгами своими
Заверчу
Наверчу
Взверчу
И ззз... в тучи!

Звереныш спрятанный в губы
Прыжками
По бледному полю плеч.

Заплывшие кровью муки
Вскрылись отчаяной страстью
В ступке горячей ночи
Волчком, волчком, волчком...

— Зубами в небо
С размаха в луну
Настежь себя
В'езжай!..

ЯЛИК

(I920)

ГУРИЙ СИДОРОВ.

ЯЛИК.

19 МОСКВА 20.

1917—1920.

В караваны звездных улиц,
В чет копыт, в трамвайный зуд
В ревы фабрик, в пасти кузниц
Вбрызнуть сердце, взмахи чуд…

В мудрый гуд аудиторий,
В жерновов хрипящий вздох,
В смысл, любовь, улыбку, горе
Да войдет Переполох.

Даже мертвые деревья
Удаль бросят в бег веков,
Хищной дерзостью сплетенья
Поразят умы лесов.

Прогрохочут грозно глыбы
По морщинам городов.
И запляшут вихрем рыбы
И пророк пройдет меж львов.

Куры, лошади, коровы
С гамом врежутся в простор,
Плач, проэкты и оковы
Все сожжет Великий Спор!

Города пойдут в деревни,
Вспашут землю в городах.
Мир взнесут к луне качели
В хаос белый, в лунный страх.

Опояшут мглу каскады
Мертвых, будущих, живых.
Будут падать мерно грады
Облак стройных, золотых…

1917.

Стрельбою, плачем, верой и безверьем
Шагаем морщинами древних полей.
Какие распахнем мы двери,
Какое солнце вспыхнет горячей?

Волочим мы великие вериги
На ногах и кровь и пыль...
Во что поверим, что постигнем
Себя ль протащим сквозь страшную быль?

Сбились в громадные кучи
Крики, набат и вой.
А наверху бессмысленные тучи
Роняют слезу за слезой...

Разрывают землю железные черви,
Выступил на полях кровавый сок.
Растрепались по свету ревущие нервы
И Б небо врастает растущий поток.

Сжимают стальные удавы
Проклятую хрусть живота,
Но с выстрелом первой славы
Воскреснем мы выше Христа!

1918

Шкуры земные горячими язвами
Из'едены сплошь
В бунтах яростных растерялись,
Спотыкаются, падают
Мысли.
Из мозгов
Спустились колючие нити
И дергают.
Дикари, мудрецы и пророки
Заковыляли в спешном беге
Через болота — к небу.
...Видят с дальних планет
Седые астрономы.
На земле
Шарахается, бьется
Смятенье.
И думают:
— А ведь там удивительно красивый
Из крови, туманов, железа и слез
Апофеоз!..

1918

Тикали часики. Бегали мыши.
Хныкал в канаве пьяный.
И вдруг по заводским крышам
Ястреб восстаний.

Гудок из трубы высокой
Разбойником ринулся к звездам.
У поэта в точеные строки
Легли виноградные гроздья.

Толпой загорелись ночи
Крики вздымали крики,
Вился флаг рабочий
Красным хохлом на пике.

Проститутка на сонном бульваре
Стыла голодным взором.
Липли лахмотья пожаров
К алой груди заборов.

Винтовки в руках горячих
Дрожали в первой битве.
Роса материнским плачем
Пала в глаза убитых.

Проходили угрюмые толпы
Сохли в злобе губы.
Обнял закат желтый
Леса и фабричные трубы.

Утром к братской могиле
Спотыкаясь, шла невеста...
И плакала «милый, милый
Не спать нам вместе»...

1919

Сквозь косматые лапы
Туч чугунных
Солнце
С криком-гиком бешеным
Роняет
Нити сверкающих бус.
Горбатые сугробы
Расправляют торопливо
На лысой и пегой земле
Серые бегущие плащи.
Домики, столбики,
Хижинки, пни
Чернеют сороками
На крестах дорог.
Проколота белая кожа
Ежиком кустов,
И деревья,
Кривые посохи времен,
Благословляют
Идущий потоп и грохот
— Головы юношей
Расцветайте веселым цветом!
Груди девушек
Вбирайте солнечный воск!
Долго падали
На колья горя...
Теперь
Хватайте карусели, крылья
Прыгайте выше!
— Звезды-мячики
в руки вам!

1919

(Из поэмы «Расколотое солнце»)

К небу
Синие флаги глаз
Как губы ребенка
К соскам.
Руками худыми
Землю к себе
Теплую
С кудрями, с соснами.
Нежную
В золотом шарфе
С седыми косами рек
К груди!
Мертвые бабочки чувств
Тоска
Грусть
Дождем, дождем, дождем...
В дрожи последней
Свечкой потухшей
С могилами глаз
Как маятник часов разбитых
Мечусь
И с неба, от земли, с боков
Огонь, вода, штыки...

1920

СТЕБЛИ

(I922)

ГУРИЙ СИДОРОВ

Стебли.

„КИНО“.

Ночь. Час.
Целую в плечи горячую куклу.
Если б мне отдалась
Буква в букву!
Я бы мог растолочь
Солнце в жемчужный гравий.
Но как все эту ночь
На заре окровавим
И тебя, как рыбку тонкую,
Выужу на веки в глаза.
А утром, тихонько я,
Пешком на вокзал...

Печка, жена, мука и валенки,
Вот что для мужа нужно…
И каждый романчик ваш маленький
Покушенье на собственность мужа.
И если вор наглый стащит
Самовар, белья две смены,
Это также его опечалит
Как ваша измена.
Еще бы! Ведь женина кожа,
Это кожа его портфеля!
И никто, никто кромсать не может
Того, что куплено целым.
Вы замужем, замужем…
Любить ли мне?
Смотрите драму же:
«Я в огне».
О, как велика Россия!
Махнуть бы за сотни лье!
О, прощай моя Мария,
Прошай, Рекамье!..

Мы выходим. Молодость вьется
В каждой пряди наших кудрей.
Нас много, как много солнца
У русских степей.
Сегодня пешком на Оку —
В ветер — и грудь вперед!
Волна подплывет к песку
И с нами обратно уйдет.
Налитые плотью девушки
Ходят, качая бедра
Так на коромыслах качаются
Полные ведра.
Солнце расчесывает граблями
Дыма тяжелое сено.
Город наш — веселые фабрики,
Взращенные в пеленках леса
Дрожат румяна заката
На скользкой щеке реки,
А с фабрики ватной
Свистки
Ходит волна, находит,
Крутит плоты,
А на заводе
Гремят листы.
Молодость! Плавай на лодках,
Клуб на горе открой!
Нет крепче водки,
Чем наша кровь!
Под кепкой серой
От дум потеет голова —
И с губ, распахивая двери,
Бегут слова...
У наших девушек косы
Длинней митинговых речей,
Наша плоть — это росы
На побегах весенних полей
Это мы раскрасили землю
В цвет молодой зари.
Знамен величавые стебли
Растели у каждой двери.
Это мы засмеялись звонко,
Когда зарыдал богач.

Вьется на стебле тонком
Обмытый в огне кумач.
Нет, не устанем в смехе.
Не опустим плечо в труде —
Сольемся в беге
К зардевшей звезде!
Нет, не разовьется молодость,
Останется в кольцах кудрей.
Не заржавеет наше золото
Только станет мудрей!..

Мне хочется забыть о вашем муже,
О том, что есть у вас хозяин.
И даже ночью, в снеге ваших кружев
Его фамилию читаю.
И почему в крылах афиши
Фамилья «Ветрина» — его?
А интересно спрыгнуть с крыши
Сломать и сердце, и плечо!
На каждом белом милиметре
И ваших ног, и рук, и плеч
Читаю штемпель: «Доктор Ветрин» —
— Как хорошо бы вас поджечь!

Не хотим мы кирпичных громад
С железом, свинцом и оловом
Смастерим ка зеленый сад
И соловья веселого.
Настроим ломов из стекла,
Искусственный закат и зори —
Чтоб влюбленная кнопку нажать могла
И закат показался вскоре.
Соорудим стоверстные музеи.
Спрячем в них весь двадцатый век —
И в театральной затеи
Покажем, как жил человек
Вот тюрьмы, пушки, заводы.
Вот дым выедает глаза.
Темные, темные своды
И трупов за возом воза...
На приступ идут солдаты,
На знамени красном звезда —
«Бедным — дорогу, смерть — богатым!»
Эхо звенит в городах.
Крошат лес огромные танки.
Руки раскинув, лежит человек...
В типографиях стонут гранки,
Биографии мертвых, списки калек.
Миллионами убитых далась победа,
Располсся, шипя, капитал...
Но чтоб изжить нужды и беды
Мир за работу встал...
О, сколько было пролито пота
На каждый земли аршин!
Воздвигали на торфяных болотах
Сотни электрических машин!
И была тяжела работа.
Редок был отдых наш,
Но зато теперь без заботы
Ложимся под вальс, встаем под марш.
Есть у нас стальные крылья,
Захотел — лечу!
Греза любая станет былью:
Рычаг нажму, колесо пущу!
Есть у нас мастерские,
Где делаем солнца и луны —

Рейсы свершаем большие:
Марс — и Земная Коммуна.
И часто, над морем белым
Взлетая в рассветный час,
Вспоминаем вас, сильных и смелых,
Павших за нас.

Песка зыбучие кровати,
Ты парус сломанный и жалкий
Твое распахнутое платье
Как в ветках крылья мертвой галки
Как догорает факел ночью
В пустых и гулких катакомбах,
Так стал я проще и короче
В любви изящной и огромной
Визитной карточке влюбленных
Едва ль отпустят много хлеба —
На «Ундервуд» стучи проворно,
А я, как спец, пойду в Главнебо!
И там, в каком нибудь журнале,
В великолепных строчках-струнах
Сыграю песнь о нашем, малом
И приключениях Коммуны.
О, стройным будь, мой первый парус
Я натяну тебя потуже!
И, поддавая в топку жару,
К заре и зареву закружим!

Мы слишком часто
Встречаемся устами,
Нельзя быть страстным
В 143 свиданье.
Лучше на Пасху,
Или в Рождество
Ласку на ласку
Так, в озорство
Ах, прощай!
          К чорту рыданья!
Умоляй не умоляй!
— «Когда наше свиданье?»
— Тридцатого февраля!

Квас, папиросы и студень!
Шелк и баранки!
— Слушайте, добрые люди
Вопли шарманки!
Тряпки, крупа, омары,
Нищий, богатый!
— Дешево, прямо задаром
Рыцаря латы!
— Шпарь ка из шпалера в небо!
— В землю червонцы!
— Дайте нам мяса и хлеба,
Крови и солнца!

СТИХОТВОРЕНИЯ
ИЗ КОЛЛЕКТИВНЫХ СБОРНИКОВ

БАНДИТ

Я — бандит.
Всегда во-банк,
Налет, на банк,
В чистую продовольственный склад
И назад
В овраги и в горы!
Вдруг хвать за горло!
Нас окружили
И вмиг в Чеке!
И прямо к стенке!
Две пули метких,
Две капли алых
На виске.
— А была жизнь малиновая —
Ел сало я,
Пил самогонку,
— Любую девченку
Насиловал я
А теперь часовня,
Холодные стены,
Как вопрос
Крест неровный
Попорченный пулей.
И лежу я бледный,
Только черные скулы
Да острый нос.

ПРОИСШЕСТВИЕ

Тучи.
Черные кучи
Сжаты в кулак.
Звон.
Вой.
Ветер по крышам метлой.
Красный петух.
Вмиг миг и потух.
Кутайся крепче в плащ.
Шляпу ниже, брови сдвинь.
Зуб на зуб.
Иди.
Крики, плачь.
Город алым брызжет.
И пожарники динь, динь.
Ветер крепко вдарил в дуб.
Друг держись.
...Темная высь,
Слепая тропинка,
Болото.
Домик гнется стариком,
Беззубые ворота.
Скамейка под кустом.
— Эй, засов ты отодвинь ка
Я из Курска,
Я пришел.
Под косынкой
Два зеркальца.
В них до пяток отражен.
Сжала пальцы
Быстро, нежно.
Дверь со скрипом —
— Заходи.
За «люблю», «люблю» все сыпет
Красный рог, чуть губ мягких.
Тише-тише, кто то ходит
В огороде
У канав.

Я в стекла прямую глубь
Глаз отточенный направил;
Из канавы кто-то высится большой.
Мигом, мигом на крыльцо —
По ступенькам стук и стук,
Хмуря жаркое лицо.
Вспых за вспыхом фонаря,
Вдруг и вдруг.
Обвило меня, скрутило
Человечее кольцо.
Видел только чьи то жилы
На обросшем кулаке.

* * *

Плыло солнце по реке,
А потом повыше
Как вкатилося на крыши,
Я очнулся.
На доске,
Я не я — дышащий труп,
Кровь у губ.
В руки два каната впиты.
Ноги свиты.
Слезы, пыль в из'едах глаз,
А во рту комок загряз.
Проходили две старухи,
Заскулили у ворот.
Заскрипел мой голос дикий,
Побежал — вскочил — вонзился
В водоросль ушей старух.
Человек за человеком.
Вот и круг.
Я поднялся, встрепенулся,
В двери — бух.

* * *

И все, что там, что искусало
Мои паленные глаза
Не помню я, остриженный, усталый
И мозг мой — суетный вокзал.

* * *

О выйди в дубровы лихие
И раскрой волосатую грудь.
У кого из стихов стихия,
И разбойник кто-нибудь.
У одного любовницы нежны и жарки,
У другого упрямы и злы.
Один гуляет чинно в парке,
А другой не боится мглы.
И если встретят друг друга,
Один заскрипит, задрожит.
А другой хохоча над испугом
Возьмет кошелек и жизнь.

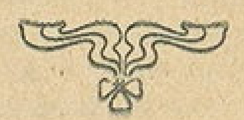
Приложение

ВОЗЗВАНИЕ ЭКСПРЕССИОНИСТОВ

ВОЗЗВАНИЕ ЭКСПРЕССИОНИСТОВ

О СОЗЫВЕ

ПЕРВОГО ВСЕРОССИЙСКОГО КОНГРЕССА ПОЭТОВ.

19 весна 20.

ВОЗЗВАНИЕ ЭКСПРЕССИОНИСТОВ
о созыве Первого Всероссийского Конгресса поэтов.

Граждане и поэты! Во Франции уже давно созывались Конгрессы Поэтов, где все — от академиков до только что появившегося литературного течения — обсуждали и решали очередные вопросы поэзии. Каждый Конгресс был целой эпохой в развитии французской поэзии.

Мы, русские поэты, уже давно чувствуем необходимость в ежегодных созывах Всероссийских Конгрессах <sic> Поэтов, на которых все существующие литературные течения от реалистов и символистов до имажинистов и экспрессионистов должны решать очередные вопросы формы и содержания. Теперь необходимо созвать Первый Всероссийский Конгресс Поэтов. Теперь нужно решить очередные вопросы метрики и ритмики (об углублении экспериментального метода исследования стиха и о новых точках зрения на метр и ритм) и тропики (о сущности и значении троп). Нужно решить какое из всех существующих течений исторически самое необходимое и самое жизненное. Каждое направление должно теоретически (философски, научно, исторически, эстетически) обосновать свои устремления и свои достижения. Уже давно существующие школы подведут исторический итог самим себе, сравнительно недавно существующие школы наметят линию своего развития и, наконец, совсем недавно возникшие школы определят свою физиономию. Нужно решить вопрос о взаимоотношении поэзии и критики. Нужно решить текущие дела: об отношении государства к поэзии, о типографском кризисе и т. д.

Мы, экспрессионисты, решили принять участие в созыве Первого Всероссийского Конгресса Поэтов, осенью 1920 года. Мы, желая перейти от разговоров к делу и желая конкретизировать идею Конгресса, предлагаем подробный технический план созыва Конгресса:

Временный Исполнительный Комитет по созыву В. К. П., выбранный общим собранием представителей всех московских литературных организаций, должен установить число и месяц созыва Конгресса. Конгресс должен быть созван осенью 1920 года (приблизительно, в середине сентября) в столице России — в Москве в помещении хотя бы Политехнического Музея. Конгресс должен длиться пять дней (между каждым заседанием должен быть недельный срок и лучше бы, чтобы заседания происходили в течении пяти воскресений). Заседания Конгресса должны быть публичными, и, между прочим, в случае большого наплыва публики каждое заседание должно быть повторено через несколько дней.

Вот порядок и программа заседаний Конгресса:

1-ый день. Новые идеи в стихосложении (сначала в метрике и ритмике, а потом в тропике).

2-ой и 3-ий день. Какое из всех существующих течений исторически самое необходимое и самое жизненное (теоретическое обоснование каждого направления).

4-ый день. Взаимоотношение поэзии и критики. (О методах критики и истории литературы). Доклады поэтов и критиков.

5 ый день. Текущие дела:

1) Отношение государства к поэзии.
2) Социальное обеспечение работников поэзии.
3) Типографский кризис: без типографий не существует литературы.

На Конгрессе должны быть представлены все существующие школы.

Вот приблизительный состав Конгресса в оффициальных группировках:

Реалисты — Бунин, Новиков, Белоусов, Столица, Никулин и Стенич.

Символисты — Мережковский, Сологуб, Гиппиус, Брюсов, Бальмонт, Белый, Блок, Вячеслав Иванов, Балтрушайтис, Кузмин, Ходасевич, Волошин, Эренбург, Эллис и Соловьев.

Акмеисты — Гумилев, Городецкий, Мандельштам, Зенкевич и Нарбут.

Интимисты — Ахматова, Цветаева, Моравская, Инбер, Крандиевская и Шагинян.

Центрифугисты — Бобров, Пастернак, Аксенов и Асеев.

Футуристы — Маяковский, Большаков, Каменский, Бурлюк, Золотухин, Ивнев, Лившиц, Гнедов, Спасский, Кушнер, Петников и Лавренев.

Эго-футуристы — Северянин.

Кубо-футуристы — Хлебников, Крученых и Шкловский, Якубинский, Якобсон и Брик (теоретики заумного языка).

Народники — Клюев, Клычков, Орешин, Ширяевец и Семеновский.

Пролеткульцы — Герасимов, Гастев, Кириллов, Самобытник, Казин, Александровский, Филипченко и Полетаев.

Имажинисты — Шершеневич, Третьяков, Есенин, Мариенгоф, Эрдман, Кусиков и Моносзон.

Экспрессионисты — Ипполит Соколов, Гурий Сидоров и Земенков.

Нео-Классики — Ратгауз, Гальперин, Леонидов, Присманова, Волчанецкая и Захаров-Мэнский.

Левая молодежь — Грузинов, Рексин, Рубин, Решетов, Буданцев, Недзельский, Предтеченский, Оленин и Владычина.

Персонально вне школ и группировок. Рукавишников, Гиляровский, Скиталец, Щепкина-Куперник, Потемкин, Георгий Иванов, Эльснер, Герцык, Парнок, Амари, Журин, Липскеров, Маковский, Цензор, Рославлев, Верховский, Ленский, Недоброво, Струве, Шульговский, Шенгели, Лесная, Коро-

левич, Герман, Ашукин, Венгров, Маккавейский, Даригодов, Ливкин, Рубанович, Копылова, Кузьмина-Караваева и Владимирова*.

Литературные критики:

Венгеров, Сакулин, Лернер, Веселовский, Иванов-Разумник, Гершензон, Шестов, Бердяев, Овсянико-Куликовский, Котляревский, Аничков, Лященко, Грузинский, Батюшков, Щеголев, Волынский, Айхенвальд, Абрамович, Коган, Львов-Рогачевский, Горнфельд, Философов, Чуковский, Пильский, Полонский, Ляцкий, Тальников, Левидов, Эфрос, Фриче, Луначарский, Рейснер и Лебедев-Полянский.

Но, принимая теоретическую беспомощность многих поэтов и также местожительство чуть не половины поэтов, (многие находятся вне пределах <sic> Советской России или живут не в Москве и не смогут приехать) можно смело сказать, что даже самые большие литературные течения будут представленs в количестве не больше двух-трех человек.

Все поэты и критики, желающие выступить с докладами на Конгрессе, должны предварительно направить во Временный Исполнительный Комитет по созыву В. К. П. заявления с указанием темы доклада для точной выработки программы заседаний Конгресса.

Конечно, Государственное Издательство должно будет издать труды Первого Всероссийского Конгресса Поэтов.

Итак: Первый Всероссийский Конгресс Поэтов будет созван!

Но мы, конечно, надеемся, что скоро будет созван Конгресс Поэтов не только Всероссийский, но и **Интернациональный!**

Экспрессионисты: { Борис Земенков.
Гурий Сидоров.
Ипполит Соколов.

* Суриковцы не поэты, а просто любители и они не имеют никакого отношения к настоящей поэзии.

ГУРИЙ СИДОРОВ

Биографический очерк

Поэт, журналист, драматург и детский писатель Гурий Александрович Сидоров, выступавший под псевдонимом Гурий Окский и литературным именем Гурий Сидоров-Окский, родился 14 декабря 1899 г. в крестьянской семье и получил среднее образование. Сведения эти можно почерпнуть в краткой биографии, подготовленной для так и не вышедшего в свое время второго тома биобиблиографического словаря «Писатели современной эпохи»[1]. В анкете 1924 г. и сам поэт писал о своем крестьянском происхождении[2]. Тем не менее, в библиографическом словаре «Советские детские писатели» утверждается, что Сидоров родился в Иркутске в семье учителя, и не 14, а 15 декабря[3].

Писать Сидоров начал с 12 лет и с 16 лет, как сообщают составители словаря «Писатели современной эпохи», начал печататься «в журн. “Женщина и хозяйка”». Далее Сидоров «участвовал в “Земле и воле”, “Вперед”, “Социал-демократе”, “Красноармейце”, “Коммунистическом труде”, “Бедноте”, “Крокодиле”, “Крысолове”[4], “Рабочей Москве” и др. С 1920 г. вступил в РКП (б) и в продолжении трех

---

[1] Писатели современной эпохи: Биобиблиографический словарь. Том второй. Кн. подг. к изд. Н. А. Богомоловым. М., 1995. С. 175.

[2] «Список-анкета на членов исполнительного органа» [общества «Современная Россия»]. В статье: Галушкин А. Ю. Сергей Есенин и “Современная Россия”: новые материалы // Столетие Сергея Есенина: Международный симпозиум. М., 1997. С. 488-489.

[3] Витман А. М. Советские детские писатели: Библиографический словарь (1917-1957). М., 1961. С. 279.

[4] На самом деле Сидоров участвовал в журн. «Крысодав» (1923), где опубликовал ряд фельетонов.

лет редактировал (под псевд. Гурий Окский) серпуховские газ. “Коммунист” и журн. “Трудовые зори”». Здесь снова — набор неясностей[5].

Согласно мемуаристам, в начале 1918 г. Сидоров определенно обнаруживается в Москве, где сближается с футуристами и участвует в либеральных газетах.

> «Гурия Сидорова, <…> ныне талантливейшего из экспрессионистов, я встретил впервые в 1918 году, в начале, в редакции газеты «Крик народа», — вспоминает поэт Н. Захаров-Мэнский[6]. — Редактировал эту газетку Коля Равич (Н. А. Рабинович), большой руки авантюрист, но милейший и симпатичнейший малый. Газетка эта, вышел всего один номер[7], направления была антибольшевистского, вроде пресловутого «Фонаря». Гурий был секретарем ее. Равич меня очень звал наладить у него театральный отдел, это было уже после выхода первого номера. Зайдя в редакцию, я познакомился с Гурием и зазвал его в кафе. В «Крике народа», Гурий, ранее хроникерствовавший в целом ряде мелких газеток, поместил эротическое стихотворение, подписав его «Гурий Огня». Впоследствии это стихотворение вышло отдельным оттиском[8] и даже выдержало два издания».

Примерно в это же время с Сидоровым познакомился поэт И. Грузинов:

> Из моих встреч с московскими поэтами, состоявшихся в 1917 или в 1918 году, запомнилась встреча с Гурием Сидоровым-Окским.
>
> Гурий Сидоров-Окский — один из тех молодых поэтов, которые тогда весьма активно «вышли на улицу».
>
> Гурий Сидоров-Окский примыкал к футуристам. Он много выступал со стихами на всевозможных эстрадах. Очень часто

[5] Словарь «Советские детские писатели» именует Сидорова «членом КПСС» и «участником гражданской войны». Однако в цитируемой выше анкете 1924 г. Сидоров пишет: «Член РКП. Вышел автомат<ически>». Не совсем ясно, когда и сколько времени Сидоров проработал в серпуховской газете «Коммунист», «редактором и основателем» которой он называет себя в той же анкете. Эта газета издавалась в феврале 1919 – январе 1922 г. и позднее сменила название на «Набат»; согласно недавней публикации «О редакторе, поэте и художнике Серпухова», Сидоров продержался в ней «всего несколько месяцев», т. к. «его больше влекла кипящая столичная жизнь» (https://inserpuhov.ru/news/istoriya-goroda/o-redaktore-poete-i-hudozhnike-serpuhova). В Серпухове, как указывает словарь «Писатели современной эпохи», Сидоров некоторое время состоял председателем местного отделения Всероссийского союза поэтов.

[6] Воспоминания Н. Н. Захарова-Мэнского // https://lucas-v-leyden.livejournal.com/109005.html.

[7] От 18 февраля 1918 г. См.: Газеты СССР 1917-1960: Библиографический справочник. Т. 1. М., 1970. С. 33.

[8] Это издание, которое, согласно Захарову-Мэнскому, носило заглавие «Манифест к юношам и девушкам, — мятежный призыв Нового Апостола, Поэта Страсти и Влюбленности Гурия Огня», не было разыскано и отсутствует в собраниях крупнейших библиотек мира.

> его можно было видеть на эстраде «Кафе футуристов» в Настасьинском переулке.
>
> «Кафе футуристов» возглавлял Маяковский. С Маяковским в «Кафе футуристов» работали Василий Каменский, Давид Бурлюк и другие поэты. К футуристам примыкала небольшая группа молодых поэтов. Среди молодых футуристов самым живым и деятельным был Гурий Сидоров-Окский[9].

Юный поэт особенно сблизился с «поэтом-певцом» А. Климовым[10]: как пишет Захаров-Мэнский[11], «после закрытия кафе поэтов, Климов, вместе с другим молодым поэтом Гурием Сидоровым, ездил по различным кафе, вывешивал плакат о своем “концерте”, пел романсы, читал стихи и обходил публику с шапкой».

Едва ли можно говорить о близкой дружбе Сидорова с Маяковским, однако в 1918 г. последний пригласил поэта на небольшую роль в своем фильме «Не для денег родившийся», снимавшемся в марте-апреле. В до сих пор остающихся, к сожалению, неопубликованными воспоминаниях «Пора стихов. Поэтическая Москва 1917-1921 гг.» (ГММ) Сидоров так описывал работу над фильмом:

> Я снимался в кинофильме «Не для денег родившийся». Автором и постановщиком этого фильма был Маяковский. Он собрал группу поэтов, и мы отправились в киностудию, помещавшуюся, насколько я помню, в переулке около Екатерининской площади. По ходу фильма изображался отдельный кабинет ресторана и выступление поэта с эстрады. В этих двух эпизодах мне и пришлось сниматься.
>
> Маяковский был в съемочном зале. На этот раз он не стоял в своей обычной позе (руки в карманах брюк, в уголке губ папироса), а метался по залу, отдавая громовым голосом режиссерские указания:
>
> — Эй, вы! Встаньте левее! Не сюда! Левая рука и у поэтов находится слева! Опустите голову! Не так сильно — вы ее так уроните на пол, а потом отвечай! Жестикулируйте, волнуйтесь, теперь поднимайте бокал! Не прячьте его за спину соседа, мне сейчас нужен бокал, а не ваш сосед! Обнимайте вашу приятельницу! Нежнее, черт возьми!..
>
> Я стою на эстраде, Маяковский — напротив:
>
> — Читайте! «На улице каждый фонарь» — как это там у вас?
>
> Читаю. Волнуюсь больше, чем на «всамделешней» эстраде. Маяковский это замечает:
>
> — Спокойнее! Держите себя в руках! Забудьте, что на вас смотрят глаза аппарата — на вас глядит публика!

---

[9] Грузинов И. Маяковский и литературная Москва // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 654.
[10] Аристарх Михайлович Гришечко-Климов, 1890 – после 1966.
[11] Воспоминания Н. Н. Захарова-Мэнского, там же.

Но на меня глядела не публика, а Маяковский, и я волновался все больше. Наконец эпизод был заснят. После съемки я рассказал Маяковскому о своих переживаниях. Он улыбнулся:

— Хорошо! В следующий раз я приглашу публику, а сам спрячусь за чью-нибудь спину — ведь я маленький!

Надо сознаться, что мы были плохими актерами, большинство снималось в первый раз. Огромного труда стоило Маяковскому заснять эти эпизоды.

В перерывах между съемками Маяковский говорил о кино. Он предвидел, что фильмы будут звуковыми, и высказывал примерно такую мысль:

— Говорят «Великий немой». Но у немого кино хороший большой язык, язык искусства, живая живопись, полотно, говорящее светотенью. В этом и слабость и сила кино. Если «Великий немой» заговорит, надо сохранить его немую силу, чтобы звук не заменял молчаливую выразительность, а усиливал ее, сливаясь с нею в одно могучее воздействие на зрителя. У немых, заметьте, почти всегда хорошие умные глаза. Очевидно, недостаток одного человеческого органа усиливает другой. И если немой получит язык, надо сохранить силу его глаз[12].

В 1919 г. В. Шершеневич в статье «Современные поэтические группировки»[13] причислил Г. Сидорова, наряду с Н. Эрдманом и Н. Поплавской, к «группе молодежи имажинизма». Но вскоре Сидоров примкнул к группе экспрессионистов и выступил на первом скандальном вечере нового течения 11 июля 1920 г. «Имажинисты сорвали их <экспрессионистов> вечер» в ответ на критику со стороны лидера экспрессионистов И. Соколова, констатировал в те дни в дневнике поэт Т. Мачтет[14]. Весной 1920 г. совместно с И. Соколовым и художником и поэтом Б. Земенковым Сидоров подписал «Воззвание экспрессионистов о созыве Первого Всероссийского конгресса поэтов», участвовал в вечерах экспрессионистов во Дворце искусств в сентябре и октябре 1920 г.[15]

---

[12] Цит. по: Маяковский в воспоминаниях современников. Сост. и прим. Н. В. Реформаторской. М., 1963. С. 640-641. К слову, Маяковский переадресовал Сидорову слегка переиначенную давешнюю эпиграмму 1914 г., изначальным адресатом которой был поэт В. Баян (В. И. Сидоров): «Поэт Гурий Сидоров, / Не носи даров» (Спасский С. Маяковский и его спутники: Воспоминания. Л., 1940. С. 104).

[13] Жизнь и творчество русской молодежи. 1919. № 34/35.

[14] Подробнее см.: «Так жили поэты»: (Шершеневич и мир литературной Москвы в дневнике Тараса Мачтета) // Дроздков В. А. Dum spiro spero. О Вадиме Шершеневиче, и не только: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2014. С. 678; Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917-1920 гг. М., 2005. С. 424 (о др. выступлениях Г. Сидорова, как предэкспрессионистского, так и экспрессионистского периодов, см. в этом изд. по указателю).

[15] Крусанов А. В. Русский авангард: 1907-1932 (Исторический обзор). Т. 2. Футуристическая революция (1917-1921). Кн. 1. М., 2003. С. 408.

В 1920 г. Сидоров одну за другой выпускает четыре небольшие книги: поэму «Расколотое солнце» и сборники «Ведро огня», «Ходули» (с обложкой работы Земенкова) и «Ялик». Неожиданную помощь в продаже двух сборников Центропечати в сентябре 1920 г. Сидорову оказали былые соратники-имажинисты. По воспоминаниям поэта,

> Было в Москве такое учреждение — «Центропечать», которое иногда покупало весь тираж за наличный расчет. «Центропечать» особенно благоволила к имажинистам. Через их посредничество мне удалось однажды продать тираж двух своих сборников, дело было так.
>
> В длинных коридорах «Центропечати» сновали люди с портфелями. Я сидел на узкой деревянной скамейке вместе с другими посетителями. Три дня я добивался аудиенции у руководителей «Центропечати», чтобы устроить тираж сборников, но мои усилия оказались безрезультатными. Вдруг в конце коридора я услышал веселый гвалт... С цветами в петлицах шли Вадим Шершеневич, известный и популярный в те времена поэт, Сергей Есенин и Анатолий Мариенгоф. Есенин увидел меня. Он подошел и спросил, — что я здесь делаю. Я рассказал. Тогда Есенин, взмотнув головой — характерный его жест — сказал:
>
> — А ну, покажите ваш товар!
>
> Я протянул Есенину две книжки: «Ведро огня» и «Ходули». Есенин, взглянув мельком на них, усадил меня обратно на скамейку и сказал:
>
> — Сидите. Сидели три дня, посидите еще часок!
>
> Шершеневич улыбнулся:
>
> — Не горюй, что-нибудь сделаем. <...>
>
> Мой «часок» оказался целыми двумя часами, но зато принес мне большую радость. Поэты вышли от начальника еще более веселыми. Есенин оживленно жестикулировал, что-то рассказывая Шершеневичу. Мариенгоф в своем блестящем цилиндре, который он носил на удивление тогдашней Москвы, шел сзади, улыбаясь. Вот они поравнялись со мной. Сергей Есенин протянул мне две мои книги:
>
> — Читайте!
>
> На обложках сборников широким размашистым почерком было написано: «3000 за наличный расчет» и подпись начальника «Центропечати»[16].

---

[16] Окский Г. Пора стихов: Поэтическая Москва 1917-1921 гг. Машинопись. ГММ, 14092, л. 22-23. Цит. по: Летопись жизни и творчества С. А. Есенина. Т. 2: 1917-1920. М., 2003. С. 400-401.

Критические отзывы, напротив, вряд ли могли принести поэту «большую радость». В журнале «Творчество», к примеру, бесновался правоверный марксист В. Фриче, «припечатавший» Г. Сидорова заодно с А. Кусиковым, Н. Манухиной и И. Соколовым: «Все они знают только свое маленькое “я”— пустое, больное, гнилое. Разумеется, они не виноваты в том, что они пережитки разлагающегося прошлого. <...> Но почему они полагают, что их трупные переживания для кого-нибудь интересны, что у нас есть время и охота заглядывать в их мертвые сердца»[17].

Н. Эрдман, рецензируя «Расколотое солнце», «Ведро огня» и «Ходули», писал:

> Гурий Сидоров еще весь в подражаниях. Его образы всецело от Шершеневича и Маяковского. И, по моему, ему несколько рановато говорить, что он строит «новый Рим». Нет, он только прогуливается по тому Риму, который выстроили другие, и, надо добавить, что прогуливается он прихрамывая и спотыкаясь. Но все-таки, мне кажется, что он сумеет выйти из этого города и построить свой собственный. К несчастью, его последняя книга гораздо слабее двух предыдущих. В особенности слабы стихи рифмованные; поэт, по-видимому, даже боится их, так редки у него они. Можно не писать рифмами, но уметь писать их должно. Хочется думать, что следующая книга поэта сделает новый шаг вперед, и у поэта будет более оснований сказать: “Мы грядем”»[18].

Много лет спустя В. Марков, словно подхватывая эстафету, также увидел в поэзии Сидорова «косноязычные» опыты подражания Маяковскому, Шершеневичу и — К. Большакову:

> Обе его книги — «Расколотое солнце» и «Ведро огня» — довольно косноязычные подражания Маяковскому (особенно «Облаку в штанах»), Шершеневичу (в рифмах) и Большакову (в аграмматизме). Несмотря на подражательность, его стихи не лишены некоей дикой своеобразности. Вступление в ряды экспрессионистов дало, вероятно, жизнь третьей его публикации («Ходули», 1920), обложку к которой выполнил Земенков. Наполнением и этого, и следующего тоненького сборничка «Ялик» (опубликованного в том же 1920 г., но состоящего в основном из более ранних стихов), была главным образом бурно-эмоциональная любовная лирика и гротескные городские пейзажи. Стих — белый и рифмованный, а в метрике используются все подручные средства от традиционных размеров до верлибра. Стихи исполнены самоутверждения и отдают модным «космизмом», не упуская из виду и апокалиптику[19].

---

[17] В. Ф<риче>. Мертвые души. // Творчество. 1920. № 11/12, ноябрь-декабрь. С. 35.
[18] Знамя. 1920. № 2 (4). Май. С. 59.
[19] Марков В. Экспрессионизм в России // Поэзия и живопись. Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева.

Позднее Сидоров участвовал в попытках И. Соколова организовать Лабораторию театра экспрессионизма, примыкал к презантистам и совместно с Д. Виленским, А. Наврозовым и Д. Туманным выступил в июле 1921 г. на вечере «Исповедь презантистов»[20].

В 1922 г. вышла в свет последняя поэтическая книга Сидорова «Стебли»[21], где поэт анонсировал также сборник прозы «Настежь» и поэму «Плечи», оставшиеся неопубликованными.

> Писал Гурий лирику, — замечал Н. Захаров-Мэнский, — попав к футуристам записал футуристические вирши, после то правел, то левел, подписал с полсотни разных деклараций и теперь стал экспрессионистом. Впрочем ко дню выхода в свет этой брошюры, я ручаюсь, что Гурий примкнет к другой какой-либо школе. Хочется отметить, что Гурий умеет и может писать прекрасные стихи, здравого направления. Недавно он редактировал орган Серпуховского исполкома «Коммунист» и писал в нем чисто реалистические стихи, подписывая их – «Гурий Окский».
>
> В заключение моих воспоминаний о Гурии мне хочется сказать, что этот редко милый человек и хороший поэт, уже отчасти выровнялся, а впоследствии безусловно станет дельным журналистом и громким настоящим поэтом, конечно натуралистического направления, т. к. ему больше чем кому бы то ни было, несмотря на ряд его экспрессионистических книжонок, экспрессионизм пристал как седло мычащему животному»[22].

В августе 1924 г. Сидоров вместе с рядом других литераторов и художников (самым заметным из них был С. Есенин) стал членом инициативной группы по созданию общества литераторов и художников «Современная Россия», однако данная инициатива была пресечена НКВД. В сопроводительной анкете, также направленной в НКВД, Сидоров в графе «Имущественное положение» указал, что ему принадлежит лишь «койка»[23].

Ни одно из предсказаний Захарова-Мэнского не сбылось. Отойдя от поэзии, да и журналистики, Сидоров работал в Мосгублите, подвизался как скульптор[24],

---

М., 2000. С. 545. Это русская версия статьи, первоначально опубликованной в «California Slavic Studies», Vol. VI, 1971.

[20] Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 2: Москва и Петроград. 1921-1922 г. М., 2005. С. 121.

[21] Как замечает В. Марков, «нервные, беспорядочные и экстатические ноты поэзии Сидорова уже не звучат, однако, в последнем из известных нам его сборников “Стебли” (1922) — поэтическом изложении его романа с замужней женщиной, в чем-то перекликающемся с поэзией Василия Каменского» (Марков В. Экспрессионизм в России. С. 545).

[22] Воспоминания Н. Н. Захарова-Мэнского.

[23] По адресу: Москва, Арбат, Трубниковский, д. 4/6.

[24] «Окончив Высшие художественные курсы АХРР, работал скульптором» (Витман А. М. Советские детские писатели, там же).

писал сценарии и пьесы для рабочих клубов. После войны был назначен директором Загорского (ныне Сергиево-Посадского) музея-заповедника и проработал на этой должности около 10 лет. Благодаря его решительной позиции ценности лаврской ризницы удалось уберечь от вывоза в Оружейную палату. Вот как рассказывает об этом ведущая сотрудница музея Н. А. Маясова:

> Директором музея стал оригинальный человек, которого, наверное, помнят в Загорске многие, — Г. А. Сидоров-Окский. Старый большевик (с 1919 г.), не боявшийся начальства; учившийся скульптуре во ВХУТЕМАСе во времена Маяковского, добрый и интеллигентный, он в это время писал детские книжки, окружил себя писателями, поэтами и художниками, многим помогал, но, по существу, мало участвовал в делах музея, шутя, что он «экс-король при правящей императрице» (императрицей была я!)[25]. Но в те времена административно-бюрократической системы было счастьем, что директор «не мешает работать», и наш маленький коллектив, иногда споря и ссорясь, успешно строил музей, вскоре получивший мировое признание. <…>
>
> Слаженность коллектива позволила преодолеть один из самых трудных моментов в истории Загорского музея, когда летом 1954 г. было издано постановление, подписанное самим генсеком Г. М. Маленковым о передаче всех ценностей музея в Оружейную палату Московского Кремля. По существу, это был бы конец музея. Мы решили бороться. Воспользовавшись неудачным предварительным приездом комиссии в выходной день и узнав обстоятельства дела, мы подготовились. Мое положение было самое сложное — я замещала директора (Окский лечился в санатории) и брала всю ответственность на себя. Однако я чувствовала за собой крепкий тыл. <…>
>
> Больше всего мы боялись приезда Г. А. Окского. Директор мог подписать согласие, и этим бы все кончилось. Но, выслушав нас, Окский вскочил со словами: «Ах, вы дорогие мои амазонки, продолжайте в том же духе!» Куда мы только ни ездили, ни писали. Наконец, составили большое письмо, которое подписали крупные ученые во главе с секретарем научно-методического совета С. П. Григоровым (председатель И. Э. Грабарь отказался). Два года шла переписка — не хотели переступать через декрет В. И. Ленина! А тут власть перешла к Н. С. Хрущеву и все само собой кануло в вечность[26].

---

[25] Н. А. Маясова (1919-2006) занимала пост заместителя директора по научной работе.

[26] Воспоминания Н. А. Маясовой // Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник (https://museum-sp.ru/about/all/n-a-mayasovoy).

Над упомянутыми в воспоминаниях Маясовой «детскими книжками» Г. Сидоров-Окский начал работать в 1950-х гг. Его рассказы для детей публиковались в журналах «Огонек», «Пионер» и газете «Пионерская правда» и выходили отдельными изданиями — «На нашем дворе» (1955), «Необыкновенная встреча» (1958), «Ветерок. Девятый. Милка» (1959), «Футболисты нашего двора» (1961).

Г. Сидоров-Окский скончался в 1967 г. — в год выхода его книги «Новеллы о скульпторах: С. Д. Меркуров, В. Н. Домогацкий, В. И. Мухина». Посмертно была издана детская повесть «Берега юности» (1968).

С ростом исследовательского интереса к теме «русского экспрессионизма» в 2000-х гг. были частично переизданы поэтические произведения Сидорова[27]; его поэзия так или иначе рассматривается в нескольких диссертациях[28] и ряде отдельных статей их авторов[29].

С. Ш.

---

[27] См. составленную В. Терехиной антологию «Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика» (М., 2005)

[28] Терехина В. Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: Генезис. Историко-литературный контекст. Поэтика (М., 2006); Нененко А. А. Лирика московских поэтов-«экспрессионистов» 1919-1921 годов: Стилевые тенденции, деструктивность, эсхатология (Ишим, 2007); Popova-Krasovec A. La poesie d'avant-garde russe des années 1920 (Lyon, 2012).

[29] Напр. Красовец А. Категория *воля* как *насилие* в поэзии московского «экспрессионизма», на примере творчества Гурия Сидорова // Категории воля и принуждение в славянских культурах. М., 2019. С. 125-149; Нененко А. А. Хилиазм в лирике Гурия Александровича Сидорова // Омский научный вестник. 2006. № 9 (47), с. 259-262; он же. Тематизация деструктивности в лирике московских поэтов-«экспрессионистов» // Актуальные проблемы современной науки. 2006. № 5 (31). С. 55-57.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все включенные в книгу тексты Г. Сидорова, за исключением поэмы «Расколотое солнце», публикуются по указанным ниже первоизданиям. Сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.

Составитель и издательство выражают глубокую благодарность Михаилу Левину и Евгению Сошкину за библиографическую помощь в подготовке книги.

Расколотое солнце

Первое изд.: Сидоров Гурий. Расколотое солнце: Поэма. М.: Кн-во при Всерос. Союзе поэтов, б. г. [1920]. Публ. по: Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика». Сост. В. Н. Терехина. М., 2005.

Ведро огня

Публ. по: Сидоров Гурий. Ведро огня. М.: Кн-во при Всерос. Союзе поэтов, б. г. [1920].

Ходули

Публ. по: Сидоров Гурий. Ходули: Стихи. Обл. раб. худ. Б. Земенкова. М.: Кн-во при Всерос. Союзе поэтов, б. г. [1920].

Стих. «Снега белые щеки...» также в коллективных сб. «Поэзия большевистских дней» (Б.: Мысль, 1921) и «Поэты наших дней: Антология» (М., Всерос. Союз поэтов, 1924)» — в последнем за подп. «Гурий Сидоров-Окский», с разночтениями в пунктуации и без последней строфы.

Ялик

Публ. по: Сидоров Гурий. Ялик. М.: Кн-во при Всерос. Союзе поэтов, 1920.

Отмеченное в нек. библиографиях изд. книги с таким же загл. в изд-ве «Имажинисты» (М., 1920) не выявлено.

Стебли

Публ. по: Сидоров Гурий. Стебли. М.: Кино, б. г. [1922].

Бандит

Публ. по: Библиотека поэтов под ред. В. Каменского. № 1. М., 1922.

Происшествие

Публ. по: Библиотека поэтов под ред. В. Каменского. № 2. М.: Библиотека поэтов, 1923.

Воззвание экспрессионистов

Публ. по: [Земенков Б., Сидоров Г., Соколов И.]. Воззвание экспрессионистов о созыве Первого Всероссийского конгресса поэтов. М., весна 1920.

ОГЛАВЛЕНИЕ